

П. Чейметов. Рассказ «Два охотника»

Пантелеймон Кириллович Чейметов (Еврин) (1913 – 1947) – зачинатель мансийской литературы. Родился в мансийской деревне Евра. Его рассказ «Вораяп хумыг» на русский язык переведен В. Наумовой. Представляя выполненный автором русский перевод произведения – «Два охотника», ленинградская поэтесса Варвара Наумова писала: «Молодой автор прошел трудный путь, прежде чем начал пробовать свои силы в литературе. С детства он охотился и рыбачил на реке Конде вместе со старыми опытными охотниками и ловцами. Только 6 месяцев проучился в школе товарищ Чейметов в свои детские годы. Потом в его учебе наступил долгий перерыв. Но Чейметов занимался самообразованием, читал книги, старался всячески пополнять свои знания. У себя на родине он был организатором и секретарем комсомольской ячейки, был и на кооперативной работе, а с момента организации колхоза работал в нем. Проучившись 9 месяцев на окружных курсах национального актива, в 1934 году он был командирован Кондинским райкомом ВЛКСМ на учебу в Институт народов Севера в Ленинграде». В. Наумова отмечает, что у П. Чейметова хорошо развито воображение. Его рассказ дистанцируется от других произведений авторов Западной Сибири, ему присуща автобиографичность прямая и скрытая.

Произведение построено по традиционной для первых литераторов Севера схеме: выбор был сделан в пользу колхоза. Новизна рассказа для того времени заключалась в том, что П. Чейметов своими героями избрал охотников разных национальностей: манси и русского, каждый из которых отличается особым мировосприятием. Охотник-манси оказывается под давлением своих детей, жены и всех жителей деревни. Он отказывается вступить в колхоз. В начале рассказа он ещё сомневается, но в ходе событий, которые описаны в произведении, соглашается. Проблема, затронутая в рассказе, очень актуальна для той эпохи. Показана ситуация, когда старому охотнику даётся время, чтобы он сам принял правильное решение. Этого ждут все окружающие его люди.

В.Д. Лебедев, отмечает, что причина, по которой старый охотник Трофим не хочет вступать в колхоз, хотя и сын, и дочь его работают уже давно в колхозе, – «отсталость» сознания: «Держались у него и старые мысли, мешавшие ему войти в колхоз. Трофим верил в бога, верил он шаману, недолюбливал русских. В царское время бедняк манси не раз сорился с торговцами, которые надували его».

Образ старого охотника – это художественная удача П. Чейметова. Это национальный тип человека Севера. Он отлично знает повадки зверей, птиц, собак, понимает и чувствует природу. Интересны сцены охоты, этнографический колорит – обряды, связанные с убитым на охоте медведем. «В лоб» противопоставлен «старому» типу человека человек нового исторического сознания. Сам выбор антипода сделан по заданной схеме: Трофиму противопоставлен русский человек Василий, в котором автор воплощает русскую демократическую культуру. При царизме Василий побывал в тюрьме за то, что подбивал бедняков бороться с богачами, «в бога он не верил», «над иконами смеялся», и вот уже четыре года работает в колхозе.

Облегчённо строится и сюжет: чтобы свести, столкнуть, сопоставить эти два разных типа человеческого сознания, автор делает Василия «своим» для Трофима. Василий уже «не совсем» чужой: он женат на мансийке, знает язык манси, но на охоте он впервые и не знает тайги. Всё это автору нужно для того, чтобы после удачной совместной охоты и ночёвки у костра с русским Василием старый манси коренным образом изменил своё отношение к колхозам.

Рассказ начинается чуть «отстранённо», объективизированно: «В конце сентября выпал снег. Охотники и рыбаки встревожились. Каждый думал: снег выпал рано, скоро сойдёт, наступит половодье, охотникам и рыбакам будет плохо». Несомненно, рассказчик – манси, хорошо знающий жизнь своего народа, природные условия его самобытной жизни, обычаи, национальный склад характера человека этого типа. Но всё это вторично в его художественной системе. Главное – новые влияния жизни, рождение новой общности людей, где национальное, своё, по-видимому, не столь уж и существенно. В его восприятии природа лишена национальных красок; её национальная специфика – точнее

национальная специфика её осознания, восприятия – опускается в этой художественной концепции. И лес, и деревья, и небо, и тучи в рассказе П. Чейметова те же, что в любой части земли: «Чёрные тучи медленно сползли, словно с громадных горных вершин, а за ними показалось ясное солнце...»

Огрызко В.В. отмечает, что Чейметов выбирает два показательных персонажа и идеологически сталкивает их. Трофим и Василий, молодой русский, который проповедует новые ценности, проводят вместе неделю на охоте. Они находятся наедине в лесу и вынуждены друг друга слушать и понимать. На протяжении охоты Василий рассказывает старику о явном улучшении жизни после вступления в колхоз. Вся неделя охоты насыщена разнообразными событиями и бесконечными спорами.

В рассказе происходит столкновение двух вер. Не стоит забывать, в какое время был написан рассказ: конец 1930-х годов, борьба с «шаманством», уравнение бедных и богатых, свержение «царских» идеалов, раскулачивание и гонения кулаков на протяжении десятилетия. Линия религии в рассказе довольно чёткая. Отказ Трофима вступить в колхоз объясняется его «странностями и глупостями». Между тем эти странности – это его вера в Бога, в шаманов, которых он противопоставляет русским. Трофим – верующий. В его вере сплелись христианство и язычество: он одновременно поклоняется солнцу, природе и шепчет христианские молитвы. Интересно видеть в старом манси переплетение двух совершенно разных религий. Когда взят самый первый перевал, Трофим молится. Когда Василий выбирается из сложной ситуации, он говорит: «Тебя спас Бог». Когда Василий приносит ему уши побеждённого медведя, Трофим говорит: зачем ты унижаешь того, кто и так уже повержен?

Василий не верит ни во что, он коммунист, ему ни нужны ни религия, ни ритуалы, ни вера. Он не может благодарить бога за удачный перевал, он не понимает всех ритуалов, которые совершает Трофим и высказывает недовольство: «Если бы я знал, что ты будешь так себя вести, ни за что не пошел бы с тобой в лес», или: «Ну что ты молишься перед иконой, лучше молись солнцу и небу!». Озадаченная тишина была ему ответом.

В рассказе старый манси представлен ни как жертва, ни как проповедник: он просто, без нажима выражает народную мудрость. Его религиозные действия не противопоставляются высказываниям Василия, в то же время Василий не высмеивает их. В конце рассказа он даже говорит: «Партия ведёт нас к лучшей жизни, к светлым дням. Мы сейчас живём с добрым чувством, и мы должны сохранить для потомков память о предках». Рассказ заканчивается словами Трофима: «Ты, Василий, очень хороший человек. Я с тобой ходил по лесу, учил тебя, а у тебя больше научился, чем ты у меня. Я с тобой в колхозе буду работать, хорошую жизнь для нас и для таких вот, как они, – показал он на детей, – устраивать. Наши руки теперь крепко сжаты. Их никому не разорвать. Ты меня не бросишь, а я никогда не отстану».

И хотя, для современного читателя, идея рассказа – вступление старого манси в колхоз теряет актуальность, несмотря на это, произведение притягивает к себе. В нем очевиден позитивный смысл. Об этом еще в 1950-е годы писал М. Сергеев: «В рассказе «Два охотника» мы видим, как появляются новые мотивы, укоренившиеся в действительности. Автор показывает дружбу между старым манси и русским колхозником, исчезновение недоверия к русским, сознание, освобождающееся от предрассудков. Художественное достоинство этого произведения в правдивости изображения внутреннего мира героя и в живом описании охоты и тайги».¹ Актуальность рассказа заключается в описании двух разных менталитетов. П. Чейметов уделяет внимание в рассказе обоим персонажам. На это указывает и название произведения. И хотя автор не заостряет внимание на каких-то политических проблемах – столкновении двух совершенно разных культур, но наблюдаются некоторые моменты, которые говорят о том, что столкновение двух «вер» и межэтнические различия очень мешают ведению диалога двух главных героев. Актуально это и сегодня.

---

¹ Тулуз Ева. Комментарии следующих поколений.// Мансийская литература / Сост. Огрызко В.В. — М.: Литературная Россия, 2003. — С. 111.
/ Мансийская